

Галина Савина

г. Касли, Челябинская обл.

Её называли странной

Они въехали в многоквартирный дом совсем недавно, всего несколько лет назад. Мать и дочь. Две полные противоположности.

Олимпиаде Васильевне было 57, но выглядела она старше. Всегда включенные волосы, будто она забывала их расчесать, крючковатый нос, почти закрывавший верхнюю губу, и маленькие глазки, быстро бегающие, будто чего-то ищущие по сторонам. Она была невысокого роста, но если с ней вдруг случайно сталкивались в подъезде или на улице, нависала, как глыба, как туча, не давая прохода, и всё болтала-болтала обо всём и ни о чём. За глаза её называли назойливой старушенцией, вредной прилипалой и старались обходить стороной. Олимпиаду Васильевну это мало волновало, для неё главным было поболтать и выговориться, ведь дома такой возможности не было.

Её дочь вела себя замкнуто, ни с кем не общалась, а дома, бросив матери пару дежурных фраз, уходила в свою комнату, закрыв наглухо дверь. Имя Снежана подходило ей, как никому другому. Она всегда была холодна, как нетающий кусок льда. Ей было 37, она никогда не была замужем, да вроде бы и не очень стремилась. Хотя, в противо-

положность своей родительнице, она была просто красотка. Длинные вьющиеся волосы белым потоком стекали по плечам. Высокая, стройная, но всегда печальная.

В её голубых бездонных глазах можно было прочесть тоску о какой-то несбывшейся мечте или, того хуже, о каком-то страшном событии, из-за которого все её мечты рухнули. Правды не знал никто. Олимпиада Васильевна, переживая за дочь, с большим усердием искала ей потенциальных женихов.

– Андрей, Андрей! – увидев соседа, затараторила она, преграждая ему путь. – Андрюшечка, дорогой, ну чем тебе моя Снежана не пара?! Я за ней хорошее приданое отдам: два сервиза, два, Андрей. А ещё пять комплектов постельного белья и хороший спальный гарнитур, почти новый, новый... почти-и-и! – кричала она уже вслед.

Андрей успел увернуться и заскочить в свою почти новенькую иномарку.

– Достала старушенция, – возмущался он, поворачивая ключ зажигания. – У меня такие молоденькие красотки в офисе, на кой мне эта ледышка.

Олимпиада Васильевна вслед машине ещё что-то бормотала, схватившись за голову руками.

Возле мусорных баков, как всегда, околавался Стёпка, местный пьяница, ставший бомжом по своей воле. Вот кому не надо едало её слушать. Олимпиада Васильевна подошла и снова завела свою заезженную пластинку о приданом:

– Стёпка, ну три ж сервиза, три, понимаешь?

– А чё, Васильна, понимаю.

– А белья-то, белья... шесть комплектов, понимаешь?

– Отчего ж не понять.

– Слушай, Стёпка, а если тебя отмыть...

– Не-не-не, я мужик вольный, нас приданным не заманишь...

– Степан, так семь же комплектов, семь...

– Ну, ты, Васильна, загнула, уже семь. Быстро-то у тебя приданое растёт, чай толк пробивать придётся.

– Какой потолок, мы на пятом живём.

– Ну, значит, крышу.

– Какую крышу, это у меня уже «крыша» едет от дочкиной тоски-печали. 37 ей, понимаешь, 37. Внуков хочу.

Оба отвернулись друг от дружки, махнув рукой, и каждый занялся своим делом.

– О, а это кто там вышагивает так бодренько?

Подошла поближе:

– Василий, ты ли это, за каким лешим в наших краях?

– Так по старому адресу вас не нашёл, а добрые люди новый подсказали.

– Уходи, уходи подобру-поздорову, от греха подальше... Не ровён час, Снежана вернётся.

– Так я вот к ней, по УДО, на год раньше... Люблю я её.

– Какое-такое УДО, что ты мне голову морочишь?

– Олимпиада Васильевна, зря вы так.

– И так у моей девочки вся жизнь наперекосяк. Не везёт ей, сердешной, с женихами.

Уходи, уходи, пока весь дом на ноги не подняла да полицию не вызвала. Принесла ж тебя нелёгкая.

Василий, чтобы не привлекать лишнего внимания, молча развернулся и медленно побрел в обратном направлении. Но, сделав несколько шагов, приостановился и с грустью в голосе сказал:

– Я не прощаюсь.

Но на некоторое время он исчез.

Василия действительно не было некоторое время. Он снял квартиру, с трудом, но всё же устроился на работу. А одинокими вечерами вспоминал счастливые минуты, проведённые со Снежаной. Но чаще в памяти чёрным пятном всплывал тот случай, который перечеркнул все общие планы на жизнь.

В том, что случилось в тот вечер, Василий винил себя. Приди он на 20 минут раньше, ничего бы не случилось. Снежана ждала его под старым клёном, их неизменным местом встречи. Изрядно выпившая троюбка проходила мимо. Увидели, затро-

нули, пошли в ход грязные словечки, кто-то предложил развлечься. Они окружили Снежану, стали срывать одежду, повалили на землю. Она сопротивлялась, царапалась, кусалась. Василий подоспел вовремя, худшего не произошло. Остальное он помнил смутно: как их раскидывал, работая кулаками, как пролилась первая кровь, как один из них упал замертво. Всё как в тумане. Потом следствие, суд и... разлука на четыре года.

Снежана ждала, писала тёплые весточки, тайком от матери приезжала на свидания. Олимпиада Васильевна, не зная причины (дочь не рассказала, щадя её больное сердце), называла Василия уголовником, недостойным её дочери, красавицы и умницы. Как-то, встретив свою давнюю хорошую подругу, пригласила её к себе.

– У меня такая настоечка есть, Валюша, посидим, повспоминаем.

О школе поговорили, о фабрике, на которой вместе отработали много лет, о мужьях, которые умерли, взвалив на плечи жён все тяготы жизни.

Впервые за всё время Олимпиада Васильевна разоткровенничалась о дочери:

– Не везёт моей Снежке с женихами.

Помолчала, махнула рукой и предложила:

– Давай, подруга, по маленькой.

Разлила с печалью в глаза и продолжила:

– У неё такая первая любовь была, такая... все завидовали. Уже к свадьбе дело шло... Да не дошло... Сбил его пьяный водитель на смерть. Сколько слёз моя девочка пролила, жить не хотела... Да и я тоже – тайком, чтоб она не видела. А при ней улыбалась, байки какие-то рассказывала, а себе думала: «Совсем с ума сошла, дочке тяжко, а мне будто всё нипочём».

Помолчала пару-тройку минут, подруга не торопила, и снова продолжила, вздыхая:

– Прошло несколько лет, забыла – не забыла, но встречаться стала со своим сослуживцем. Правда, надолго их встречи затянулись по нынешним-то временам, на целых пять лет. Я уже подумывать стала, как их к свадьбке подтолкнуть, но как-то случайно услышала их разговор. Сергей говорил о какой-то своей тяжкой хвори. «Знаю,

о чём ты, мама, думаешь-мечтаешь», – говорила потом дочка. «Свадьбы не будет. Серёжа болен... смертельно болен. У него рак. Мама, что со мной не так? Ну что? Что?» – и горько заплакала. Вскоре Сергея не стало, а Снежка моя, нет, не плакала, не горевала, а просто ушла в себя. Ходила как тень. Вроде живая, а вроде и нет.

Снова подруги налили по глоточку, а Олимпиада Васильевна продолжила:

– Думала, всё, не будет у моей Снежки ни женихов, ни свадебки, ни деток. А мне – внуков не видать. А тут, смотрю, Снежану до подъезда бывший одноклассник провожает. Уж очень они в школе дружили. Прямо не разлей вода были, как говорят. Раз проводил, два проводил. Зачастил, смотрю, Вася-то. Да и девочка моя повеселела, даже, можно сказать, расцвела. Только я не знала, радоваться мне или, как в былые времена, ждать опять каких-то проблем-печалей. Как в воду глядела: и года не прошло, как Васю посадили, за что, того не знаю, не ведаю. Да только не пара он моей девочке, не пара...

Поставила Олимпиада Васильевна локти на стол, обняла голову руками, чуть было не заплакала, но смахнула непрошеную слезу:

– Наливай, подруженька, наливай!

Выпили по глоточку. Да сколько надо, чтобы боль заглушить?

– Валюша, вернулся он, освободили его... до-сроч-но. А мы ведь не просто так сюда переехали. Думала дочку от него избавить. Не избавила. Нашёл. Что делать? Не знаю.

– А я тебе так скажу, Олимпиада, ты, подруга, не обижайся. Ну, не лезь ты к ним, не лезь! Пусть Снежка сама решает, что и как. Это её жизнь, её... Понимаешь, её.

На том и разошлись.

Олимпиада Васильевна стояла у окна.

– Вот и осень, пора свадеб. Вот бы Снежку поскорее замуж отдать. У меня ж для неё такое приданое припасено. Четыре сервиза или пять... а постельного белья – десять комплектов, ой, не вру, точно десять.

По дороге к дому шла парочка, взявшись за руки и прижимаясь друг к дружке.

– Снежка со своим Василием возвращаются. Зря я плохо о нём думала. Хороший парень. Он ведь дочку мою спасал, а я... Зайдут, ещё раз прощения попрошу. Как-никак, через неделю моим зятем станет. Любимым зятем.